

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

1901.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1902.

МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Въ столѣтію дня рожденія М. И. Броссе.

24 января исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго грузино-вѣда и армениста М. И. Броссе, который внесъ свою лепту и въ жизнь нашего Общества; Броссе былъ дѣятельнымъ его членомъ. Съ 10 марта 1859 года онъ предсѣдательствовалъ въ Восточномъ Отдѣленіи, и на должность эту онъ былъ переизбираемъ до 1867 года.

Желая посвятить памяти Броссе нѣсколько словъ, я ограничусь лишь послыннымъ выясненіемъ его направленія, и общо характеристикою его научныхъ заслугъ. Біографическія и бібліографическія данныя касательно Броссе доступны теперь каждому въ превосходно составленномъ его сыномъ *Bibliographie Analytique St. P. 1887*¹⁾.

Востоковѣдъ Броссе былъ специалистомъ историкомъ въ своей области. Не говоря о личныхъ его вкусахъ, къ занятіямъ исторіею направляли его еще на студенческой скамьѣ. Учитель его *Saint-Martin*, какъ вообще французская школа арменистовъ, разрабатывалъ преимущественно историческія темы. Броссе усложнилъ свою подготовку знаніемъ грузинскаго языка прежде всего въ цѣляхъ добычи для той же исторической науки.

Историческо-археологическіе интересы господствовали и въ Петербургѣ въ кругу востоковѣдовъ Академіи Наукъ, когда сюда переѣхалъ Броссе въ качествѣ ея члена. Историческія изысканія, болѣе тѣсно связанныя съ общественными вопросами, естественно всегда были у насъ болѣе понятны и популярны.

1) Востоковѣдъ Броссе заслуживаетъ и на русскомъ языкѣ біографической статьи съ болѣе реально обставленной, подробной оцѣнкою его научной дѣятельности. Слѣдующія строки представляютъ извлеченіе изъ подготовляемой мною работы съ подобною задачею.

Когда Броссе поселился въ Россіи, то дѣла о грузинахъ и армянахъ, новыхъ гражданахъ Россіи, составляли не совсѣмъ еще пережитую злобу дня; занятія исторіею Грузіи и Арменіи являлись какъ бы выполненіемъ программы общественнаго служенія отечеству. Никогда грузиновѣдѣніе и арменистика не пользовались такимъ вниманіемъ въ Россіи, какъ въ этотъ моментъ, но это былъ по существу интересъ не къ предмету, а интересъ даннаго историческаго настроенія и потому-то преходящій. Но Броссе нашелъ въ переживаемомъ тогда Россіею настроеніи прекрасное средство для осуществленія своихъ чисто научныхъ стремленій, онъ встрѣтилъ предупредительный приемъ и поощреніе для своей историко-археологической программы, намѣченной еще на родинѣ.

Въ Россіи Броссе нашелъ нѣчто еще болѣе знаменательное для направленія своихъ научныхъ работъ, именно среду, благоговѣнно относившуюся къ національному грузинскому представленію о прошломъ Грузіи. Еще не выѣзжая изъ Франціи, онъ имѣлъ случай сблизиться съ выдающимся хранителемъ грузинскихъ научныхъ преданій, царевичемъ Теймуразомъ. По пріѣздѣ же въ Петербургъ онъ засталъ цѣлую колонію родовитыхъ грузинъ, гдѣ память о грузинскомъ царствѣ была совершенно свѣжа, традиціи грузинскаго міропониманія были сильны. Это міропониманіе, основанное на работахъ грузинскихъ ученыхъ XVII — XVIII вѣковъ, частью на живыхъ преданіяхъ, представляло готовое историческое построеніе о Грузіи. Оно выступало передъ Броссе въ бесѣдахъ съ грузинами, оно рисовалось въ грузинскихъ лѣтописяхъ, хроникахъ, историческихъ и географическихъ сочиненіяхъ, и оно окончательно опредѣляло направленіе и характеръ дѣятельности Броссе, какъ грузиновѣда.

Броссе отвернулся отъ лингвистическихъ и литературныхъ темъ и, сосредоточившись на исторіи, явился въ роли истолкователя историческаго самопониманія грузинъ въ европейской наукѣ.

Броссе однако не останавливался на изложеніи и филологическомъ толкованіи грузинскихъ историческихъ текстовъ. Онъ обращался къ самымъ источникамъ мѣстнымъ, откуда черпали или должны были черпать свои данныя грузинскіе историки. Онъ изучалъ въ глубь и ширь грузинскую да и армянскую нумизматику, сфрагистику и эпиграфику. Громадное большинство этихъ документальныхъ памятниковъ онъ и обнаруживалъ впервые. Онъ первый обратилъ вниманіе какъ на дипломатическіе акты сношеній Грузіи съ иностранными государствами, такъ и на документы, рисующіе внутренний бытъ и государственный строй Грузіи. Онъ и показалъ высокую цѣнность подобныхъ матеріаловъ въ цѣломъ рядѣ специальныхъ работъ и изданій. Такимъ образомъ Броссе не принималъ безъ критики данныхъ разрабаты-

ваемыхъ источниковъ, издаваемыхъ и переводимыхъ имъ, но критика его касалась лишь деталей и частныхъ: онъ провѣрялъ и подчищалъ подробности, чтобы сдѣлать болѣе устойчивымъ цѣлое. На критику цѣлаго Броссе не отвѣживался. Для такой критики по существу тогда и не было данныхъ. Прежде всего въ ориенталистической наукѣ тогда въ отношеніи Грузіи чувствовали лишь пробѣлу по исторіи Грузіи, былъ спросъ только на новыя какія либо историческія свѣдѣнія грузинскихъ источниковъ. На Броссе, естественно, падала обязанность заполнять этотъ пробѣлу. Открывшаяся глазамъ Броссе историческая картина Грузіи въ трудахъ грузинскихъ ученыхъ и писателей XVII—XVIII вѣковъ съ избыткомъ удовлетворяла запросамъ тогдашняго востоковѣднія. Затѣмъ, чтобы плодотворно критиковать по существу историческую теорію грузинскихъ ученыхъ нужно было имѣть свое собственное построеніе, хотя бы не вполне сформированное, хотя бы лишь обрисовавшееся въ основныхъ чертахъ. Но такому построенію не откуда было взяться, не на что было опереться: не было еще никакихъ специальныхъ работъ или монографій о Грузіи. Въ свою очередь, подготовка Броссе, какъ сына своего вѣка, не была настолько глубока, чтобы онъ имѣлъ право на установленіе самостоятельной теоріи въ области, куда онъ пзъ европейцевъ вступалъ первый въ специальномъ званіи ученаго изслѣдователя. Къ такому начинанію его не предрасполагали и его, несомнѣнно недожипныя, способности, по характеру болѣе пассивныя или репродуктивныя, чѣмъ активныя и творческія. Вообще складъ ума Броссе былъ не синтетическаго порядка: занимаясь съ увлеченіемъ наблюдателя-энтузіаста отдѣльными фактами и явленіями, прослѣживая до послѣдней возможности ихъ подробности, онъ избѣгалъ обобщеній.

Такимъ образомъ все толкало Броссе на то, чтобы въ главу угла своего научнаго направленія онъ положилъ теорію грузинскихъ ученыхъ XVII—XVIII вѣковъ, — и онъ это и сдѣлалъ. Грузиновѣдніе, благодаря такому направленію его основателя въ Европѣ, получало то-же положеніе, которое давно упрочивалось за арменовѣдніемъ трудами армянскихъ ученыхъ мхитаристовъ и европейскихъ арменистовъ. Броссе былъ и самъ въ числѣ тѣхъ арменистовъ. Будучи весьма дѣятельнымъ и своеобразнымъ работникомъ и въ этой области, онъ отличался отъ другихъ тою широтою взглядовъ, которая естественно выработалась у него вслѣдствіе непосредственнаго изученія одновременно и грузинскихъ, и армянскихъ источниковъ.

И тѣмъ не менѣе дѣло, кипѣвшее подъ рукою этого единственнаго до сего дня европейскаго грузиновѣда въ настоящемъ смыслѣ этого слова и безспорно выдающагося армениста, съ его смертью заглохло. Броссе въ Европѣ не создалъ школы, не имѣлъ послѣдователей. Правда, арменовѣдніе

продолжаетъ, хотя и медленно, дѣлать научные успѣхи, но основанія этихъ успѣховъ были заложены внѣ сферы дѣятельности Броссе. Дѣло въ томъ, что армянскій языкъ по открытіи генетической его связи съ индоевропейскою лингвистическою семьею сдѣлался предметомъ научной разработки и получилъ права гражданства, гдѣ de jure, гдѣ de facto, въ университетскихъ курсахъ, особенно нѣмецкихъ; почти одновременно венеціанскія изданія армянскихъ переводовъ греческихъ подлинниковъ, нерѣдко съ переводами на латинскій или вообще какой либо европейскій языкъ, создали всевозрастающій интересъ къ армянской литературѣ среди богослововъ и историковъ, особенно историковъ церкви, и армянская литература завербовала себѣ специальныхъ изслѣдователей въ университетскихъ кругахъ, особенно въ Германіи и Англии. И вотъ возникшія въ связи съ этимъ работы, пробивъ брешь въ воспринятомъ отъ армянъ традиціонномъ представленіи объ армянскомъ прошломъ, положили начало плодотворной независимой критикѣ, и готовятъ почву для разработки культурной и исторической жизни армянъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ современной филологіи.

Въ отношеніи оживленія научнаго интереса къ Грузіи подобныхъ приходящихъ обстоятельствъ не было. Въ работахъ Броссе не было элементовъ, способныхъ заинтриговать европейскихъ ученыхъ. Построенія этихъ работъ, въ корнѣ намѣченныя грузинами въ XVII—XVIII вѣкахъ и почти цѣликомъ выведенныя изъ мѣстныхъ же матеріаловъ, рѣдко вторгались въ чьи-либо научные интересы и потому мало привлекали къ себѣ вниманія. Проникавшій ихъ общій національный грузинскій духъ не трогалъ европейскаго сердца. Для энтузіазма, которымъ былъ охваченъ самъ Броссе, какъ піонеръ, не было уже мѣста, такъ какъ послѣ его трудовъ, казалось, въ Грузіи не осталось ничего невѣдомаго. Въ этомъ смыслѣ характерна фраза, приписываемая академику Бѣтлингу, который про Броссе будто бы говорилъ, что «онъ высыпалъ весь мѣшокъ грузинской литературы, не оставивъ въ немъ ничего».

Такимъ образомъ въ Европѣ дѣло Броссе зѣмерло. Оно, несомнѣнно, ослабѣло и въ ученыхъ учрежденіяхъ Россіи. Открытое грузиновѣдомъ-арменистомъ Броссе широкое его теченіе было вогнано въ узкое русло. Впрочемъ въ Грузіи сказалась болѣе или менѣе плодотворной научная дѣятельность Броссе. Еще во время своего путешествія въ Грузію и Армению въ 47—48 годахъ Броссе напечаталъ въ кавказскомъ календарѣ статью на русскомъ языкѣ: «О необходимости и способахъ изучать памятники старины Грузіи», въ которую включены и интересы чисто армянской археологіи. Этотъ энергичный зовъ вмѣстѣ съ всегдашнимъ сочувствіемъ Броссе къ мѣстнымъ работникамъ содѣйствовалъ появленію на свѣтъ ряда работъ

лицъ изъ различныхъ словъ кавказскаго общества, но въ систематической разработкѣ мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ Грузіи, въ корнѣ основанной на научныхъ воззрѣніяхъ грузинъ XVII—XVIII вѣковъ, Броссе нашелъ преемниковъ исключительно въ лицѣ представителей ново-грузинской исторической школы. Не говоря о другихъ, Бакрадзе, Жорданія и Такайшвили въ трудахъ Броссе черпали первое вдохновеніе, — во всякомъ случаѣ подъ влияніемъ его толкованій вырабатывали они тѣ или другіе взгляды. Въ этомъ отношеніи дѣло Броссе и по сейчасъ еще живо.

Труды Броссе однако не могутъ быть обезцѣнены тѣмъ, что своевременно не нашлось въ Европѣ силъ для продолженія его дѣла, для поддержанія, дѣйствительно, кипучей его дѣятельности и для внесенія въ изученіе взлелѣяннаго имъ предмета новыхъ началъ и приемовъ, соотвѣтствующихъ современному состоянію филологическихъ наукъ. Заслуги его все-же весьма значительны по арменистикѣ, громадны по грузиновѣднію.

По арменистикѣ онъ отчасти слѣдовалъ обычнымъ приемамъ европейскихъ арменистовъ, толкуя и переводя армянскіе памятники въ цѣляхъ предоставленія ихъ новыхъ данныхъ для использованія въ работахъ, далекихъ отъ прямыхъ научныхъ задачъ арменовѣднія. Но и здѣсь Броссе чаще шелъ своимъ независимымъ путемъ. Если онъ извлекалъ изъ армянскихъ источниковъ какія либо свѣдѣнія для стороннихъ цѣлей, то болѣе всего для исторіи Грузіи, которая однако находится въ особо тѣсныхъ отношеніяхъ съ Арменією. Затѣмъ, для изученія и толкованія онъ выбиралъ часто авторовъ, которые имѣютъ исключительно или преимущественно мѣстное значеніе, какъ напр. Ухтанесь, Исторія Сюніи Орбеяна и т. п. Наконецъ Броссе далъ матеріальныя основанія для изученія армянской христіанской археологіи, имъ введено въ европейскую науку изученіе армянскихъ надписей, съ него началась каталогизація армянскихъ рукописей, а это основа всякой серьезной работы надъ литературою.

По грузиновѣднію заслуги Броссе безспорно еще болѣе велики. Онъ положилъ въ Европѣ серьезное начало учебнымъ пособиямъ для изученія грузинскаго языка: грамматикамъ, христоматіямъ, словарямъ. Онъ сдѣлалъ доступнымъ европейцамъ въ переводахъ или пересказахъ большинство памятниковъ грузинской свѣтской литературы, какъ древней, такъ средне-вѣковой. Онъ далъ первый систематическій списокъ вообще всѣхъ извѣстныхъ въ его время произведеній и духовной литературы. Больше всего сдѣлано имъ однако для грузинской исторіи. Броссе не только намѣтилъ впервые, но въ значительной степени разработалъ почти весь циклъ дисциплинъ грузинской исторической науки.

Броссе для насъ еще особенно цѣненъ какъ европейскій ученый,

впервые проложивший путь къ признанію единства задачъ армянской и грузинской филологіи. Это черта ярко выступаетъ во всѣхъ основныхъ трудахъ Броссе. Въ авторѣ этихъ трудовъ мы видимъ ученаго, работающаго съ замѣтнымъ настроеніемъ къ теоріи армяно-грузинской филологіи. Настроение это у него не слагалось въ особое ученіе, оно не выходило за предѣлы чисто историческихъ интересовъ, но плодотворность и важность его невольно сообщается специалисту при чтеніи произведеній Броссе.

Въ общемъ можно сказать, что Броссе сдѣлалъ все, что было въ его личныхъ силахъ и въ научныхъ силахъ его времени, для процвѣтанія разработывавшихся имъ областей востоковѣдѣнія, и память его не можетъ не быть дорогой всякому, имѣющему основаніе сочувствовать правильной научной постановкѣ грузиновѣдѣнія и арменистики.

Н. Марръ.

Арабское извлеченіе изъ сирійской Хроники Марибаса.

(Къ вопросу объ Исторіи Моисея Хоренскаго 1).

Въ 1896 году въ замѣткѣ объ одномъ спискѣ *Исторіи* Михаила Сирійца аббатъ F. Nau далъ въ JA (VIII, стр. 523—527) свѣдѣнія о кодексѣ Британскаго музея (Oriental ms. n°. 4402), содержащемъ арабскую ея версію сирійскимъ письмомъ. Въ первыхъ строкахъ предисловія на сирійскомъ языкѣ Nau обратилъ вниманіе на «книгу Марибаса Халдейца», названную въ числѣ источниковъ патріарха Михаила. Nau при этомъ сообщилъ, что въ Парижской Національной бібліотекѣ имѣется (Fonds syriaque, № 306, fol. 71b—77) *Хроника* каршуніи, приписанная именно Марибасу Халдейцу.

Нѣсколько раньше описалъ содержащую эту *Хронику* рукопись въ томъ же VIII томѣ *Journal Asiatique* (стр. 252—254) Chabot, еще въ началѣ 1896 года издавшій (JA. VII, стр. 100—132) небольшой сирійскій текстъ объ іезидахъ по той же рукописи²). Chabot сообщилъ печатно (JA. VIII, стр. 253), что онъ готовитъ изданіе *Хроники* Марибаса Халдейца.

1) Читано 21 февраля 1902 г. въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археолог. Общества.

2) Кстати, **ܡܪܝܒܫܐ ܚܠܕܝܐ** *Намса и Мискофъ* (ожидали бы *Москофъ*) этого сирійскаго текста, т. е. *Германія и Россія*, упоминаемая непосредственно за Римомъ и Франціею (стр. 116, 7), у Chabot почему-то переведены (стр. 181, 12) Индіею и Монголіею, въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ съ вопросомъ («dans l'Inde, la Mongolie (?)»).